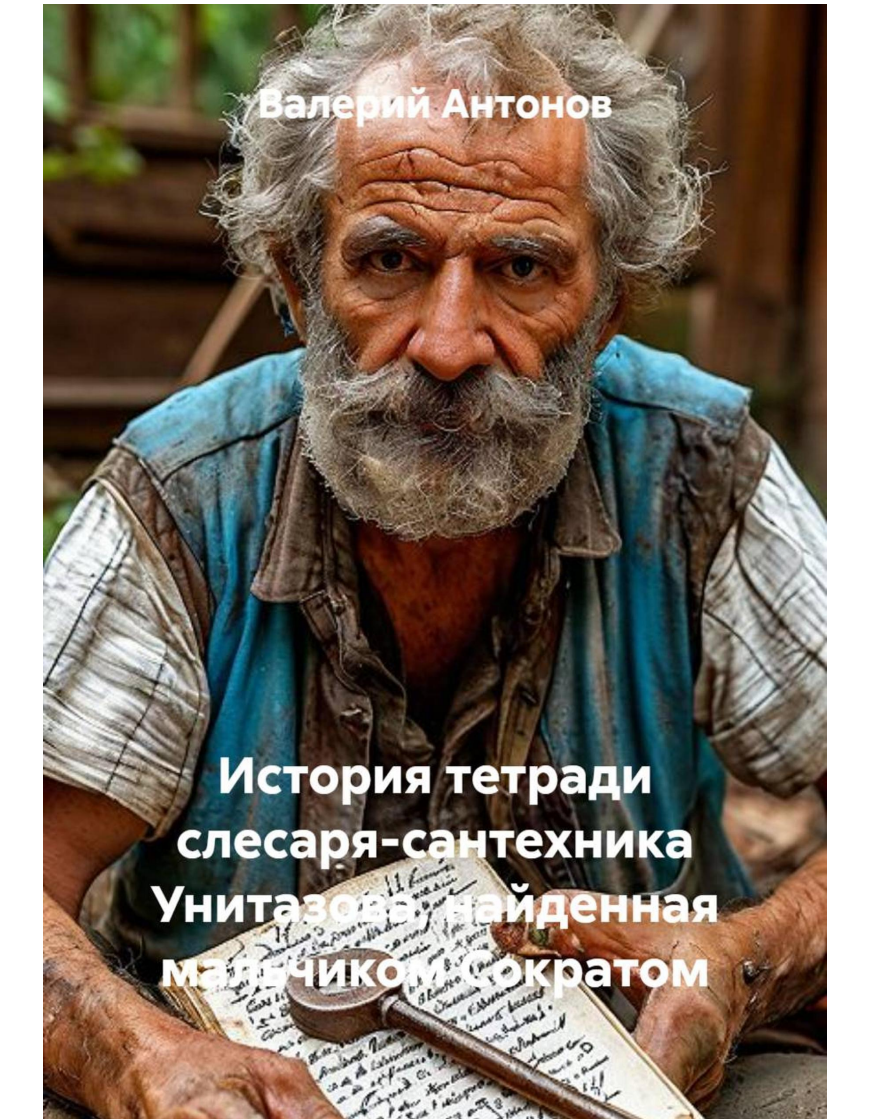

Валерий Антонов

История тетради
слесаря-сантехника
Унитазов, найденная
мастичиком, ократом

Валерий Антонов
История тетради
слесаря-сантехника
Унитазова, найденная
мальчиком Сократом

*<https://litres.ru/74172258>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Десятилетний Сократ находит в овраге тетрадь в клетку и ржавый разводной ключ. Несколько строк на греческом: «Я уже встретил Сократа... Передайте Алисе. Её папа — чистый». Мальчик ещё не знает, что держит послание из будущего, написанное человеком, который пока не родился.

Спустя много лет к колодцу Эннеакрунос выпадает из времени слесарь-сантехник Виктор Унитазов — алкоголик, потерявший семью, уверенный, что его фамилия означает пожизненный позор. Сократ узнаёт его. По ключу. По словам. По тому, что прочитал ещё в детстве.

Так начинается дружба, переворачивающая душу. Но тетрадь — это не просто исповедь. Умирая, Унитазов записывает в ней беседы с Платоном, Аристотелем, Диогеном, Сенекой, Эпиктетом и Марком Аврелием. Тетрадь странствует сквозь века — через

костры, библиотеки и войны, — пока не попадает в руки Иммануила Канта. Но о том, что случилось дальше и как звёздное небо над головой связало кёнигсбергского затворника со слесарем из хрущёвки, — вы прочтёте в следующем рассказе.

Содержание

Аннотация	6
Пролог. Находка	8
Часть первая. ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ МАЛЕНЬКОГО СОКРАТА	12
Пролог к части. Утро после находки	13
ПРОБУЖДЕНИЕ: Шерсть и дыхание	15
У КОЛОДЦА: Упавший кувшин	16
ДОРОГА НА РЫНОК: Стена, нагретая солнцем	18
АГОРА: Менялы и «золотость»	19
СЛАДКОЕ: Медовые соты и Тиганиты	21
ШКОЛА: Гомер и вопрос без ответа	23
СЛАДКОЕ (продолжение): Инжир в кулаке	25
МАСТЕРСКАЯ ОТЦА: Урок мрамора	27
ВСТРЕЧА С ВЕТЕРАНОМ: Терпеливое ожидание	29
ВОДА И ОТРАЖЕНИЕ: Разговор с «другим»	31
ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ: Ужин и вопрос матери	33
НОЧЬ: Огонь и мысль	35
Часть Вторая. ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ ЮНОГО СОКРАТА	37
Пролог к части. Тетрадь под циновкой	38
ПРОБУЖДЕНИЕ: Чужое тело	40

УТРЕННЯЯ ГИМНАСТИКА: Тело как вопрос	42
ЗАВТРАК: Разговор с отцом о будущем	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Валерий Антонов История тетради слесаря-сантехника Унитазова, найденная мальчиком Сократом

Аннотация

Десятилетний Сократ находит в овраге тетрадь в клетку и ржавый разводной ключ. Несколько строк на греческом: «Я уже встретил Сократа... Передайте Алисе. Её папа — чистый». Мальчик ещё не знает, что держит послание из будущего, написанное человеком, который пока не родился.

Спустя много лет к колодцу Эннеакрунос выпадает из времени слесарь-сантехник Виктор Унитазов — алкоголик, потерявший семью, уверенный, что его фамилия означает пожизненный позор. Сократ узнаёт его. По ключу. По словам. По тому, что прочитал ещё в детстве.

Так начинается дружба, переворачивающая душу. Но тетрадь — это не просто исповедь. Умирая, Унитазов записывает в ней беседы с Платоном, Аристотелем, Диогеном, Се-

некой, Эпиктетом и Марком Аврелием. Тетрадь странствует сквозь века — через костры, библиотеки и войны, — пока не попадает в руки Иммануила Канта. Но о том, что случилось дальше и как звёздное небо над головой связало кёнигсбергского затворника со слесарем из хрущёвки, — вы прочтёте в следующем рассказе.

Пролог. Находка

Сократ нашел ее в овраге за гончарными мастерскими — там, куда сбрасывали битый кирпич, золу и ненужный хлам. Он забрел туда случайно, убегая от соседских мальчишек, которые снова дразнили его «пучеглазым силеном». Овраг был тихим, заросшим сухим чертополохом. Пахло прелой золой и мокрой глиной.

Он хотел уже уходить, когда заметил торчащий из кучи золы странный предмет. Не камень, не черепок, не дерево. Что-то темное, блестящее, неестественно ровное.

Сократ нагнулся и потянул. Предмет поддался не сразу — он застрял в спрессованной золе, словно его закопали здесь нарочно. Мальчик дернул сильнее, упал на спину, но добычу не выпустил.

В руках у него оказался металлический инструмент. Тяжелый. Холодный. С длинной ребристой рукоятью, покрытой облупившейся красной краской. С подвижной челюстью, которая раздвигалась, если крутить червячный винт. Металл был гладким в одном месте, шершавым в другом, и пах иначе, чем афинская бронза — резче, кислее, с примесью чего-то неведомого.

— Что ты такое? — спросил Сократ вслух. Он никогда не видел такой тонкой работы. Даже у лучших кузнецов Афин не получалось сделать металл таким ровным, без единого

следа молота.

Он сел на землю, забыв про мальчишек, про царапины на коленях, про всё на свете. И начал разглядывать находку.

Рядом с инструментом, в том же слое золы, лежало нечто еще более странное. Сократ поначалу принял это за кусок спекшейся глины, но, отряхнув пепел, понял: это прямоугольный предмет, обернутый в потрескавшуюся, задубевшую кожу. Кожа была не козья и не овечья — слишком тонкая, слишком ровная, с тисненными буквами, которых он не мог прочесть.

Он раскрыл предмет.

Внутри оказались листы. Десятки, нет, сотни тонких, пожелтевших, хрупких, как крылья цикады, листов. Не папирус — папирус был грубее, волокнистее. Эти листы были гладкими, расчерченными ровными линиями в клетку. И они были исписаны.

Сократ поднес тетрадь ближе к глазам. Буквы. Много букв. Но не греческие, не финикийские, не египетские. Какие-то другие — угловатые, со странными закорючками. Некоторые были похожи на перевернутые греческие буквы. Другие не походили ни на что.

Он перевернул обложку. На внутренней стороне, прямо по коже, было нацарапано коряво, но разборчиво — уже по-гречески:

«Я, Виктор Петрович Унитазов, сантехник... За это время я встречу всех великих философов. Я уже встретил Со-

крата. Он... говорит, что я — не дерьмо, а мастер течения... Если вы, кто это читает, — передайте Алисе. Моей дочке. Пусть знает: её папа — чистый. Её папа — философ».

Сократ прочитал — и замер.

Там было его имя.

Там было его имя, написанное человеком, который называл себя *сантехник* — слово, которого мальчик никогда не слышал. Человеком, который писал на неведомом языке странными округлыми буквами, а потом перешел на греческий. Человеком, который просил передать что-то дочери — так, будто писал из подземного царства.

Сократ сжал тетрадь в руках. Сердце колотилось где-то в горле. Он не понимал почти ничего. Но одно он понял сразу: этот предмет — послание. Этот Виктор — он знал Сократа. Вернее, *узнает* когда-нибудь. Или уже узнал. Или узнает через много лет. Время вдруг перестало быть прямой линией — оно свернулось, как змея, кусающая собственный хвост.

Мальчик осторожно, почти благоговейно, положил тетрадь на колени. Рядом лег тяжелый инструмент с раздвижной челюстью — разводной ключ.

Сократ не знал, для чего он нужен. Но он чувствовал: этот инструмент — как скипетр. Скипетр неведомого царя, который правит тем, чего Сократ пока не понимает. Может быть, водой. Может быть, грязью. Может быть, самой истиной.

Он поднял ключ. Тяжелый. Солидный. Словно оружие, но

не для войны. Для чего-то другого.

— Сантехник, — произнес он вслух, пробуя слово на вкус.
— Унитазов.

Слова были варварскими, неуклюжими. Но за ними что-то стояло. Что-то важное.

Он завернул тетрадь в край гиматия, спрятал от чужих глаз. Ключ засунул за пояс — так, как, сам того не зная, носил его тот, другой, из будущего.

— Я узнаю, кто ты, — сказал Сократ тихо, обращаясь не то к тетради, не то к самому небу. — Я узнаю, что значат эти слова. И я передам твои слова твоей дочери. Даже если для этого мне придется спросить всех. Даже богов.

Он выбрался из оврага. Солнце садилось за Акрополем. В руке у мальчика был инструмент, которого еще не изобрели. За пазухой — тетрадь, исписанная человеком, который еще не родился.

Внутри тетради, на первой странице, корявым почерком было выведено:

«Я — не позор. Я — чистый. Я — вода».

И маленький Сократ, сын каменотеса и повитухи, пошел домой. Он еще не знал, что этот день — начало. Начало всего.

Завтра он откроет тетрадь снова. И начнет читать. И мир станет шире, чем он думал. Гораздо шире.

Часть первая. ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ МАЛЕНЬКОГО СОКРАТА

Алопека, предместье Афин. Ранняя осень, около 460 год до нашей эры.

Сократу десять лет.

Пролог к части.

Утро после находки

Тетрадь лежала под циновкой — там, где мать не нашла бы её, даже если бы вздумала перетряхивать все вещи. Сократ проснулся рано, до крика петуха, и первым делом сунул руку под циновку. Тетрадь была на месте. Холодная кожа обложки, хрупкие пожелтевшие листы, незнакомые буквы. И греческие слова, врезанные как гвоздём: *«Я уже встретил Сократа... передайте Алисе... её папа — чистый»*.

Он провёл пальцем по строчке, где было его имя. Сократ. Это написал человек, которого он никогда не видел. Человек по имени Виктор Унитазов. Сантехник.

Тяжёлый разводной ключ лежал рядом, под циновкой, как оружие, спрятанное до срока. Сократ взял его, взвесил в руке. Металл нагрелся от тела за ночь, стал почти тёплым, почти живым.

— Кто ты? — прошептал мальчик. — И почему ты встретил *меня*?

Тетрадь молчала. Но внутри, под обложкой, хранились сотни исписанных страниц. Ответы — или новые вопросы.

Он спрятал тетрадь и ключ обратно. Сегодня был обычный день. Мать позовёт за водой, отец — в мастерскую, учитель — читать Гомера. Обычный день. Но внутри Сократа

что-то изменилось навсегда.

Потому что теперь у него была тайна. И целая тетрадь вопросов, которые ждали своего часа.

ПРОБУЖДЕНИЕ: Шерсть и дыхание

Он открывает глаза до крика матери. В доме серый полумрак, пахнет остывшей золой и овечьим молоком. Плащ колет шею — он ведет пальцами по грубой шерсти, в одну сторону гладко, в другую царапает. Почему у ткани есть направление? Есть ли направление у мыслей?

Он прижимается щекой к глиняному полу. Прохлада. Выдыхает — на глине остается туманное пятно. Доказательство, что внутри него живет невидимое дыхание. Он смотрит на пятно, пока оно не исчезает.

— Сократ! Вставай, пока звезды не погасли! — голос матери.

Он вскакивает. Натягивает хитон, затягивает пояс. Сандалии? Нет, он их опять не наденет — пыль приятнее. Но прежде чем выйти, он на секунду задерживается у циновки. Тетрадь на месте. Ключ на месте. День начинается.

У КОЛОДЦА: Упавший кувшин

Улица уже проснулась. Где-то кричит осел, пахнет дымом и свежим хлебом. Сократ тащит гидрию к фонтану Эннеакрунос. Очередь. Впереди старый гончар Леонт, ворчун, рассказывает соседу о судебной тяжбе:

— ...а судья, говорю тебе, Никий, посмотрит на мой грязный хитон и на его перстень, и всё — право ушло к Аиду...

Сократ греет уши. И тут — грохот! Кувшин выскальзывает из рук Леонта и катится к сточной канаве. Сократ бросается, ловит его в сантиметре от грязи. Прижимает к животу, отряхивает рукавом, подает двумя руками.

Леонт, смягчившись:

— Ловкий ты, Софронисков сын. Спасибо.

Сократ не отпускает кувшин. Смотрит снизу вверх:

— Дядя Леонт, а ты сказал — право ушло. Но если у права нет ног, как оно уходит? И разве оно пахнет серебром, чтобы судья чуял его носом?

Пауза. Леонт смотрит на мальчика, потом на кувшин, потом снова на мальчика. Ворчун не сердится — он задумался.

Леонт (медленно):

— Хм. Не пахнет... но богатый может нанять оратора. А

оратор — это язык права.

Сократ (тихо, будто сам себе):

— Язык права... Но если я куплю язык, он же всё равно останется языком, а не правом. Значит, право можно заменить языком?

Кто-то в очереди хмыкает. Леонт чешет бороду. Он не знает ответа. Но он не прогоняет мальчика — он кивает ему, будто признавая право спрашивать.

Сократ набирает воду. Руки дрожат от радости. Его услышали. И он думает о человеке из тетради — о Викторе. Тот тоже писал о каком-то своём праве. И о том, что кто-то считал его грязным, как этот кувшин, катившийся к сточной канаве. Но кувшин поймали. Может, и того человека кто-то поймал?

ДОРОГА НА РЫНОК:

Стена, нагретая солнцем

Мать велела купить оливок и смолы. Он идет вдоль глинобитной стены. Солнце уже припекает. Восточная сторона стены раскалена, западная еще холодная и влажная.

Он ведет ладонью по горячей глине — шершавая, царапает. Переходит на теневую сторону — гладкая прохлада. Ходит туда-сюда, пытаясь поймать границу. Граница размыта. Тепло и холод не воюют — они просачиваются друг в друга, как вода в песок.

Он замирает. Рука лежит на стене. Мысль: «Если тепло и холод не враги, а соседи, то, может быть, добро и зло тоже? Может быть, и Виктор из тетради — не просто плохой или хороший? Может, в нем и грязь, и чистота просачиваются друг в друга, как тепло в этой стене?»

— Сократ! — оклик соседки. — Чего встал? Мать ждет!

Он вздрагивает и бежит дальше.

АГОРА: Менялы и «Золотость»

Рынок оглушает запахами. Рыба, пряности, пот, дым жаровен. Сократ покупает смолу — кусок липнет к пальцам, он мнет его, скатывая в шарик, наслаждаясь податливым сопротивлением. Покупает маслины в рассоле — продавщица кидает в кулек одну лишнюю, подмигивая: «Это за красивые глаза».

И тут он слышит крик. Два менялы спорят о персидской монете:

Толстый:

— Это чистое золото, клянусь Гермесом! Двадцать драхм!

Худой:

— Золото всегда золото! Если я сотру картинку, золотость не исчезнет!

Сократ замирает. «Золотость». Слово звенит в голове, как струна лиры. Он пробирается сквозь толпу. Тянет толстого менялу за край гиматия:

— Дядя...

— Отстань, мальчик, не до тебя.

Сократ (громче, с отчаянной наивностью):

— Дядя, я просто хочу понять. Если золотость не исчеза-

ет, когда стирают картинку, то где она прячется? В крошках? Или «золотость» — это имя, которое мы дали тяжелому и желтому?

Толпа затихает. Худой меняла хохочет:

— Вот! Вот что я ему твержу! Ребенок понял, а ты нет! Толстый чешет затылок:

— Ну, парень... ты задал задачку. Где прячется... Хм.

Сократа не гонят. Спор продолжается уже о сущности, а не о цене. Мальчик отступает в толпу. Никто не заметил, как он ушел. Но он уносит с собой новую мысль: у вещей есть невидимая сердцевина, и взрослые тоже не знают, где она прячется.

И у людей — тоже. У того человека из тетради. Виктора. Все видят его грязную работу. Но есть ли у него внутри «золотость»? Невидимая сущность, которая не исчезает, даже если стереть картинку?

СЛАДКОЕ: Медовые соты и Тиганиты

Но рынок — это не только менялы и смола. Рынок — это еще и соблазн.

У Сократа в кулаке зажат обол — медная монетка, которую мать дала на смолу, но смола стоила меньше, и сдача жжет ладонь. Он знает, что должен вернуть ее матери. Но запах...

Торговец сладостями разложил свой товар прямо под портиком: связки сушеного инжира, истекающие сахарной белизной на изломе, горки жареного нута, политого медом, и — о боги — тиганитес. Пышные лепешки из ячменной муки, которые шипят в оливковом масле на жаровне. Торговец ловко вылавливает их шумовкой и тут же, на глазах у Сократа, поливает густым гиметтским медом. Мед плавится на горячем тесте, затекает в пузырьки, сияет на солнце.

Сократ подходит. Он не просит. Он просто стоит и смотрит. Торговец замечает этот голодный философский взгляд — взгляд, который не канючит, а изучает процесс.

Торговец (усмехаясь):

— Ну что, каменотес? Хочешь попробовать? Обол есть? Сократ разжимает кулак. Обол мокрый от пота, блестит.

Торговец берет монету, протягивает лепешку, завернутую в фиговый лист. Сократ берет ее обеими руками. Она обжигает пальцы. Он откусывает.

Первое ощущение — хруст корочки. Второе — обжигающая сладость меда, которая растекается по языку. Он жует, и липкий сок течет по подбородку. Он слизывает его тыльной стороной ладони — той самой, что утром гладила шершавую стену, а днем будет держать мех в мастерской.

Мысль (между укусами): «Мед сладкий, потому что его делают пчелы. Но пчелы не едят мед — они его просто делают. Откуда они знают, что я люблю сладкое? Значит, сладость существует сама по себе, даже если меня нет? Как "золотость"?»

Он облизывает пальцы. Последняя капля меда падает в пыль. Он смотрит на нее — золотая, как дарик менялы, но уже муравьи нашли и суеются вокруг. Даже сладость не вечна. Но пока она была на языке, она была настоящей. Как тот Виктор — его жизнь, может быть, тоже была настоящей, пока длилась? Настоящее проходит, но оставляет след. Вкус на губах. Слова в тетради.

ШКОЛА: Гомер и вопрос без ответа

В школе грамматиста полумрак и запах старого папируса. Учитель, сухой старик с палкой, велит читать «Илиаду». Сократ читает про Ахилла, который плачет у моря после отнятия Брисеиды.

Он замолкает на полуслове. Учитель стучит палкой:

— Читай дальше!

Сократ:

— Учитель, а почему он плачет? Он же знал, что, когда шел на войну, у него отнимут добычу? И если он выбрал славу вместо долгой жизни, то почему он жалеет? Разве можно выбрать одно, а плакать о другом?

Учитель замахивается палкой, но медлит. Вопрос мальчика — странный, не по возрасту. Он не дерзкий — он настоящий.

— Плакать можно обо всем, Сократ. Даже о том, что сам выбрал. Читай дальше.

Сократ читает. Но про себя думает: «Значит, человек может хотеть двух вещей сразу, даже если они несовместимы. Значит, внутри нас не один человек, а несколько. И тот Вик-

тор — он, наверное, тоже хотел двух вещей сразу. Чтобы было чисто. И чтобы его не считали грязным. А получалось наоборот».

СЛАДКОЕ (продолжение):

Инжир в кулаке

В перерыве между чтением и музыкой Сократ выходит во двор школы. У него в кулаке спрятана сушеная фи́га — он стащил ее из дома утром, пока мать отворачивалась.

Он садится в тени платана и разламывает инжир пополам. Внутри он розовато-янтарный, с белыми кристалликами сахара и крошечными семечками, которые хрустят на зубах. Он ест медленно, растягивая удовольствие. Откусывает половинку, потом еще четвертинку, прижимает мякоть языком к нёбу и ждет, пока сладость сама растает.

Соседский мальчик, Лисий, подсаживается рядом, глядя завистливо:

— Откуда у тебя? Дай кусочек.

Сократ думает. У него мало. Очень мало. Но он помнит, как утром Леонт-гончар поделился с ним своим вниманием, хотя мог просто прогнать.

Он отламывает половину от оставшегося и молча протягивает Лисию. Тот хватает и запихивает в рот целиком.

Лисий (с набитым ртом):

— Ты странный, Сократ. Мог бы сам съесть.

Сократ (задумчиво):

— А если бы я съел всё сам, вкус уже кончился бы. А теперь у меня есть вкус инжира и еще то, что ты радуешься. Это больше.

Лисий жует и не понимает. Но ему вкусно. И этого пока достаточно. А Сократ думает о Викторе, который просил передать слова дочери. Он поделился. Не инжиром — своей жизнью. Своей болью. Он оставил её на этих страницах. Зачем? Может быть, чтобы кто-то, как Лисий сейчас, взял кусочек и порадовался. Или заплакал. Или понял.

МАСТЕРСКАЯ

ОТЦА: Урок мрамора

Полдень. Мастерская залита белым солнцем и полна мраморной пыли. Отец, Софрониск, обтесывает надгробную стелу. Пахнет камнем, потом и металлом.

— Держи мех, раздувай угли, — командует отец.

Сократ качает мех. Жара от горна обжигает лицо. Руки ноют. Пот катится по спине, щеkotно. Он смотрит, как отец бьет резцом по камню. Удар — скол. Удар — скол. Из бесформенной глыбы проступает женский профиль.

— Отец, откуда ты знаешь, куда бить?

Софрониск вытирает лоб:

— Я не прибавляю камень, сынок. Я убираю лишнее. Профиль уже там. Я его просто освобождаю.

Сократ замирает с мехом в руках. «Освобождаю... Убираю лишнее... Значит, правда — не то, что нужно сложить из кусков, а то, что уже есть под коркой? Как лицо в мраморе? Как "золотость" в монете?»

Он смотрит на свои руки в каменной пыли. Мысль: «Если я хочу узнать, что внутри человека, я не должен ничего добавлять. Я должен убирать. Как отец убирает лишний мрамор. Как Виктор убирал засоры из труб. Может быть, и мне

нужно будет убирать лишнее из людей?»»

ВСТРЕЧА С ВЕТЕРАНОМ:

Терпеливое ожидание

После мастерской он бежит к большому платану за городской стеной. Там, на камне, сидит старый Никострат — ветеран Марафона, без ноги, с изуродованным шрамом плечом. Мальчишки обычно обходят его стороной: он плюется и бранится.

Но Сократа тянет. Сегодня Никострат рассказывает двум подвыпившим ремесленникам о битве:

— ...и вот перс замахивается, а я — мечом снизу, и чувствую, как его внутренности скользят по клинку, теплые, липкие...

Сократ стоит в стороне. Он не перебивает. Он ждет. Он умеет слушать так, что это становится заметно: всё тело замирает, рот приоткрыт, глаза не мигают.

Никострат замечает:

— Ну, чего уставился, лягушонок? Страшно?

Сократ (тихо, шагнув ближе):

— Ты рассказываешь так, будто это было вчера. Отец говорит, что время стирает всё, как вода камень. Но тебя оно не стерло. Как ты это делаешь?

Никострат долго смотрит на него. Потом кивает на землю рядом с камнем:

— Садись, каменотесов сын. Я тебе скажу. Боль — она как гвоздь. Время ее не стирает, оно ее вгоняет глубже. Но если ты вытащишь гвоздь словом и покажешь другому — она становится памятью, а не болью. Понял?

Сократ садится. Кивает. Он не всё понял, но он запомнит каждое слово. И он думает о тетради. Виктор вытащил свои гвозди — свои боли, свой стыд, свою фамилию — и показал кому-то. Может быть, поэтому он писал. Чтобы боль стала памятью. Чтобы кто-то, даже через тысячи лет, прочитал и понял: этот человек страдал. И перестал страдать, когда назвал боль словами.

ВОДА И ОТРАЖЕНИЕ:

Разговор с «другим»

Вечером мать посылает его к дальнему ручью — нужно набрать воды для омовения. Солнце клонится к закату, трава становится прохладной, цикады звенят оглушительно.

Он опускает гидрию в ручей. Вода успокаивается, и он видит свое лицо. Курносое, с глазами навывкате. Смотрит долго.

Опускает палец. Касается кончика носа отражения. Круги ряби — лицо «другого» дробится, расползается, становится уродливой маской. Сократ смеется. Потом ведет пальцем, пытаясь «погладить» отраженную щеку. Отражение убегает. Пытается коснуться глаза — глаз исчезает.

Он замирает. Смотрит, как вода успокаивается, как лицо собирается заново. Мысль: «Я могу сломать себя одним пальцем. Но я же здесь, целый. Значит, "я" — это не то, что в воде. "Я" — это тот, кто смотрит».

Он резко погружает руку в воду. Отражение исчезает. Шарит под водой — там никого. Камни, холод, пустота. Тот мальчик — призрак.

Он вынимает мокрую руку. С пальцев каплют капли. Каждая капля ловит закатный свет и становится на миг золотой, как дарик менялы, как мед на тиганитасе, как янтарная сердцевина инжира.

Он смотрит на свою мокрую руку, на капли, на закатное солнце. И вдруг задает вопрос вслух, в пустоту:

— А солнце — оно тоже чье-то отражение?

Никто не отвечает. Только цикады звенят.

Он думает о Викторе. Может быть, Виктор — это тоже отражение. Не то, что видят люди: грязного пьяного слесаря. А то, что он сам видит в себе. Отражение, которое можно сломать одним пальцем — но целое, если смотреть изнутри. Виктор — это тот, кто смотрит. Тот, кто написал тетрадь. Тот, кто жив.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ:

Ужин и вопрос матери

Он приходит затемно. Мать греет чечевичную похлебку. Отец сидит у огня, растирает уставшие плечи. Пахнет дымом, тмином и чем-то родным.

Фенарета сегодня принимала тяжелые роды. Усталая, но спокойная. Сократ подходит, подает ей воду для рук. Молчит. Но его молчание слишком громкое.

Фенарета (вздыхая):

— Ну, говори. Ты весь день где-то витал.

Сократ (осторожно):

— Мама... ты вчера сказала соседке, что разговариваешь с младенцем еще до того, как он родился. Но у него же нет ушей. Как душа слышит, если у нее нет ушей?

Мать замирает. Смотрит на сына — не как на ребенка. Как на кого-то, кого она узнаёт, но не может назвать.

— Душа... душа чувствует руки повитухи еще до того, как тело почувствует воздух. Это не уши слышат. Это что-то другое. Я не знаю, как назвать.

Сократ (тихо):

— Может быть, это и есть «золотость»?

Мать не понимает, о чем он. Но она берет его за руку — ту самую, что ловила кувшин, сжимала теплую лепешку, трогала отражение и качала мех.

— Может быть, сынок. Ешь давай.

Сократ садится ужинать. Похлебка горячая, с кусочками овечьего сыра. Он макает ячменный хлеб в миску и думает о том, что сладость меда уже осталась в прошлом, а тепло супа — оно здесь, сейчас. Но оба они — настоящие. Как это может быть? Как настоящее может проходить и оставаться одновременно?

Как Виктор, который давно умер — или еще не родился, — но его слова здесь. Сейчас. На циновке, в тетради.

НОЧЬ: Огонь и мысль

Он лежит на своей лежанке. Ноги гудят после беготни, колено саднит, ладони пахнут смолой, камнем и — если очень принюхаться — медом. В очаге догорает огонь. Он смотрит на язычки пламени — они пляшут, как вода, но они горячие и сухие.

Он закрывает глаза. Перед внутренним взором проносятся картины: кувшин в руках, спор менял, тиганитес, истекающий медом, лицо в воде, профиль в мраморе, капли на пальцах, инжир, разломленный пополам, рука матери. И тетрадь. Слова на неведомом языке. Имя, написанное по-гречески. «Алиса».

Отец сказал: «Я убираю лишнее».

Мать сказала: «Это не уши слышат».

Ветеран сказал: «Боль становится памятью, если ее называть».

Меняла сказал: «Золотость не исчезает».

Торговец сладостями ничего не сказал — он просто дал ему мед. Но мед тоже исчез, а сладость осталась в памяти. Значит, сладость — это тоже «золотость»?

И еще один голос — голос из тетради: «Я — не позор. Я — чистый. Я — вода».

Он не знает слова «сущность». Он не знает слова «майевтика». Он не знает, что через сорок лет его назовут мудрейшим из эллинов.

Но он уже понял главное.

Мир — это не то, что ты видишь. Мир — это то, что прячется под рябью, под коркой, под именами. И чтобы добрать-ся до него, не нужно ничего прибавлять. Нужно только вовремя спросить. И иногда — поделиться инжиром.

Он засыпает с улыбкой. На губах — призрак сладости. Под циновкой — тетрадь человека, который однажды скажет: «*Я уже встретил Сократа*».

Завтра будет новый день. И новый вопрос.

А через много лет он встретит у колодца грязного, босого, дрожащего человека с разводным ключом в руке. И узнает его. По ключу. По словам. И скажет: «Здравствуй, Виктор. Я читал твою тетрадь. Я ждал тебя с десяти лет».

Часть Вторая. ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ ЮНОГО СОКРАТА

Афины, около 454 год до нашей эры.
Сократу пятнадцать-шестнадцать лет.

Пролог к части.

Тетрадь под циновкой

Прошло почти шесть лет с того дня, как он нашел её в овраге. Тетрадь по-прежнему лежала под циновкой — уже потрепанная, с загнутыми уголками страниц, но всё та-кая же загадочная. Сократ перечитывал её десятки раз. Он выучил наизусть каждое греческое слово, а незнакомые буквы чужого языка пытался разобрать, водя пальцем по строкам.

За эти годы он понял немного. Но то, что понял, — перевернуло его.

Человек по имени Виктор Унитазов был *сантехником*. Он чинил трубы. Он страдал от того, что его считали грязным, хотя сам он делал мир чище. Он потерял жену. Он потерял дочь. Он пил. А потом встретил *кого-то* — и этот кто-то назвал его «мастером течения».

Кто назвал? Этого Сократ пока не знал. Но он знал, что это важно. И тетрадь ждала. Ждала, пока он вырастет и поймёт.

Разводной ключ, найденный вместе с тетрадью, лежал в углу, под кучей тряпья. Сократ иногда брал его в руки, крутил винт, смотрел, как раздвигается челюсть. Он до сих пор не знал точно, для чего этот инструмент. Но он чувствовал:

когда-нибудь он встретит человека, который возьмёт этот ключ — и всё встанет на свои места.

А пока он рос. И вопросы росли вместе с ним.

ПРОБУЖДЕНИЕ: Чужое тело

Он просыпается раньше отца — это стало привычкой. Но теперь, просыпаясь, он не просто лежит, прислушиваясь к дыханию. Он разглядывает свои руки. Они изменились за последний год: запястья стали костистыми, пальцы — длинными, с выступающими суставами. Отцовские руки, только молодые.

Он сжимает кулак. Под кожей перекачиваются мышцы и вены. Вчера на палестре тренер сказал, глядя на его плечи: «Из тебя выйдет хороший гоплит, Софронискид». Хороший гоплит. Тот, кто стоит в фаланге и держит щит. Это звучит как похвала. Но что-то внутри Сократа сопротивляется этому «хороший гоплит» — так же, как глина сопротивлялась его пальцам в детстве. Что, если он не хочет быть хорошим гоплитом? Что, если он хочет знать, *почему* гоплит стоит, а не бежит?

Он думает о Викторе. Тот тоже мог бы быть хорошим гоплитом — или хорошим слесарем, — но что-то сломалось. Не в руках. В душе. И никто не пришёл, чтобы починить.

— А если я хочу чинить души? — шепчет он в темноту.

Руки, которые могли бы держать щит. Руки, которые могли бы держать резец. Руки, которые однажды возьмут чью-то боль и попытаются её разобрать, как отец разбирает камень.

Он встаёт. Холодный пол уже не кажется приключением

— просто холод. Он набрасывает хитон, застёгивает фибулу на плече. Сандалии? Пожалуй, сегодня наденет — на Агоре могут быть софисты, а перед ними появляться босым, как уличный мальчишка, уже неловко.

Он бросает взгляд на циновку. Тетрадь на месте. Ключ на месте. Однажды они понадобятся.

УТРЕННЯЯ ГИМНАСТИКА:

Тело как вопрос

Во дворе он делает наклоны и выпады — тренер велел не пропускать упражнения даже в дни без палестры. Мышцы разогреваются. Кровь бежит быстрее. Тело слушается, но как-то по-новому — будто он управляет чужим механизмом.

Он ловит своё отражение в луже, оставшейся после ночного дождя. Лицо: нос по-прежнему курносый, глаза навывкате, но челюсть стала тяжелее, а над губой пробивается первый тёмный пух. Он трогает его пальцем — колючий, странный. Ещё год назад ничего не было. Тело меняется само, без его согласия. Кто же тогда решает, каким ему быть? Он или природа?

— Сократ! Завтрак! — голос матери.

И он идёт. Но вопрос остаётся. Кто решает? И кто решал за того человека из тетради? Он сам выбрал свою жизнь — или она выбрала его?

ЗАВТРАК: Разговор с отцом о будущем

На столе ячменная каша, разбавленное вино, кусок козьего сыра, маслины. Отец уже ест — быстро, сосредоточенно, как человек, которому надо скоро идти в мастерскую.

Мать ставит перед Сократом плошку. Задерживает руку на его плече — теперь он выше её, и ей приходится чуть поднимать локоть. Она смотрит на него с той смесью гордости и тревоги, которую он стал замечать в последнее время.

— Ты сегодня в мастерскую? — спрашивает отец, не поднимая глаз.

— Да. Но сначала в гимнасий. Потом... я хотел на Агору. Говорят, Протагор в городе.

Отец откладывает хлеб. Имя софиста ему ничего не говорит — он смутно слышал, что это какой-то приезжий мудрец, который берет деньги за учение.

— Протагор... Сынок, зачем тебе это? Я тебя не корю. Но мы простые люди. Ты станешь каменотесом, как я. Это честный хлеб.

Молчание. Мать замерла с кувшином.

Сократ (медленно, подбирая слова):

— Отец, ты учил меня, что в мраморе уже есть статуя.

Нужно только убрать лишнее. А что если... в человеке тоже есть форма? Не руки и ноги — а форма души. И чтобы её освободить, нужно убрать не камень, а невежество?

Отец долго смотрит на него. В его глазах — не гнев, но что-то похожее на грусть. Он не понимает сына до конца. Но он знает: этот мальчик всегда был странным. И странность не ушла с возрастом — она только окрепла, как мышцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.